

Тан Баю было так стыдно, что он закрыл лицо и сказал: "В то время я думал о тебе только как о брате".

Я думал, что ты хотел завести со мной роман, но вместо этого ты относился ко мне как к брату.

Хотя Се Рухэн уже догадывался о такой возможности, когда Тан Бай признал это сам, ему все еще было трудно с этим согласиться: "Разве я похож на омегу?".

Речь идет о достоинстве свирепого!

Тан Бай не мог быть более праведным: "Как может любой альфа выглядеть так же хорошо, как ты?".

Се Рухэн: "Что???" Вiniшь меня в том, что я слишком хорош собой?

"И ты всегда проявлял уважение к омегам. Все альфы, которых я встречал с детства, кроме моего отца, раздражали меня все больше и больше, они высокомерны и заносчивы, всегда навязывают омегам свои идеи, но ты другой".

Тан Бай прошептал: "Ты очень нежный, всегда подбадриваешь и поддерживаешь меня, не только со мной, но и когда заботаешься о детях в трущобах".

Се Рухэн был слегка ошеломлен.

"Мне всегда приятно говорить с тобой о таких натуралах, как Гу Тунань, кажется, что ты делаешь общее дело со мной с точки зрения омеги". Тан Бай сказал дрожащим голосом.

Се Рухэн: "Прости, вини меня за то, что я слишком много пью зеленого чая".

"Извини, часть моего выступления действительно была зеленым чаем". Тан Бай признался.

Поддельный зеленый чай объяснил настоящему зеленому чаю: "В книге у тебя в будущем был больной желудок, настолько больной, что во всей федерации не нашлось врача, который смог бы тебя вылечить, поэтому я хотел поскорее тебя вылечить".

У Се Рухэна действительно были небольшие проблемы с желудком, но сейчас это было несерьезно, и он не ожидал, что на более позднем этапе ситуация ухудшится до такой степени.

Тан Бай потратил столько времени и сил на то, чтобы приготовить для него прыгающую стену Будды, клубнику с драконьим имбирем и бесчисленное множество других деликатесов, только чтобы позаботиться о нем.

Теперь его дом, машина на воздушной подушке и спальня заполнены закусками, которые Тан Бай заботливо приготовил для него.

Даже если Тан Бай действительно был зеленым чаем, Се Рухэн вряд ли мог гарантировать, что он не поддастся искушению.

"Я учил тебя манерам, потому что в книге ты сильно упустил их, и твой общий балл на главном экзамене был всего на один балл выше, чем у Гу Тунаня. Я всегда считал, что экзамен по этикету не имеет особой необходимости в существовании, единственное, что он делает, это подавляет класс простолюдинов и укрепляет его."

"Я хочу, чтобы ты стильно выиграл главный экзамен".

В эту долю секунды Се Рухэн был тронут светом в глазах Тан Бая.

"Как салют или что-то в этом роде, я беспокоюсь, что если ты вернешься к своему истинному полу позже, я не знаю, омега этикет будет неудобен". Тан Бай схватился за лоб, размышляя о том, что заставило его социально умереть.

Винить в этом его мозг?

О нет, обвините в этом Магическое Серебро, который выдумал ложную информацию!

В книге, которую показал ему Магическое Серебро, большая часть сюжета была верна, но основной сюжет был неверен.

Тан Бай фыркнул и спросил Се Рухэна: "Брат Се, ты сказал, что также задействовал временную черту Магического Серебра, какое будущее ты видел?"

"То, что я видел, не было, это была сцена", - Се Рухэн рассказал Тан Баю о том, что он видел.

Тан Бай был еще больше озадачен, услышав это, может ли быть, что то, что видел Се Рухэн, было тем же фильмом? Он нравился Се Рухэну в этой версии?

Мыслительный процесс внезапно взорвался.

Поскольку Магическое Серебро могло вызывать временные характеристики, возможно ли, что в будущем история любви его и Се Рухэн распространилась по звездам, и было много жен-производителей пищи, которые использовали свои собственные прихоти, чтобы создать различные версии этой истории любви?

Кажется, в этом есть смысл.

Тогда он должен прожить достаточно долго, чтобы узнать, какой автор написал эту вредную культовую гомоэротическую книгу!

В тот момент, когда мысли Тан Бая все дальше и дальше отклонялись от курса, он услышал, как Се Рухэн шепотом высказал свою догадку: "Возможно ли, что мы оба видим одну и ту же историю, только та история, которую читаешь ты, написана с точки зрения неизвестного постороннего, а то, что вижу я, это точка зрения Се Рухэна".

"Возможно, Се Рухэн не любил Гу Тунаня, он просто не хотел задерживать понравившегося ему человека, поэтому разыграл эту сцену с Гу Тунанем".

Независимо от того, что это была за сцена, Се Рухэн не мог смириться с тем, что человек, которого он любил, не был Тан Баем.

"Брат Се, у тебя слишком большое отверстие в мозгу". Тан Бай вспомнил, что в той книге ничего не было написано о том, что Се Рухэн и он вообще как-то общались, и, подумав о том же, что и Се Рухэн, он вздохнул: "Если это правда, то мне еще труднее".

"Я никогда не знал с самого начала, что я нравлюсь человеку, который мне нравился, только для того, чтобы наблюдать его с кем-то другим".

"Откуда он знал, что когда он сказал, что я ему не нравлюсь, я действительно отпущу эти отношения?"

Сердце Се Рухэна внезапно заколотилось, так болезненно, как будто в него вонзили нож.

Он всегда думал, что долгая боль лучше короткой, но после слов Тан Бая он понял, что, возможно, короткой боли не существует.

Была только долгая боль и сладость, которая перевесила всю печаль.

И он был настолько скуп, что отказался дать Тан Баю даже этот проблеск сладости.

"Молодой господин, что бы ни случилось в будущем, я ничего от тебя не скрою", торжественно сказал Се Рухэн.

Он выглядел торжественно и искренне, с торжественностью, которая трогала людей.

"Эта твоя осведомленность", - Тан Бай нажал на плечо Се Рухэна с ничего не выражающим

лицом.

Он бешено затрясся: "Слишком поздно!!!".

"Я так ясно выразился тогда в палате! Рассказать, чтобы рассказать, чтобы рассказать, чтобы рассказать!" Тан Бай схватил Се Рухэна за уши и надулся: "Ты только что все это принял?!".

Сердце Се Рухэна было слабым.

Тан Бай подпрыгнул как молния, думая, что Се Рухэн действительно может отказаться от своей поддельной личности и раствориться в воздухе, он хотел подпрыгнуть на месте, как маленькая молочная конфета в начале, чтобы стать прыгающей конфеткой сегодня.

Сердце Се Рухэна продолжало оставаться слабым.

Он растрепал волосы Се Рухэна, превратив их в куриное гнездо, прежде чем Тан Бай с облегчением убрал руку.

Се Рухэн, носящий развратную прическу, сказал мягким голосом: "Молодой господин, если у тебя есть еще что-то, из-за чего ты расстроен, просто скажи мне".

Тан Бай чувствовал, что сказал практически все.

Он не держал зла, потому что отомстил за себя на месте, и теперь, когда он почти выдохся, тон Тан Бая снова стал мягким: "Я в порядке".

Все было в порядке, только он кричал слишком громко и голос его был хриплым.

Нет.

У тебя что-то на уме.

Се Рухэн чувствовал, что Тан Бай был опечален, когда узнал свой истинный пол.

И дело не только в том, что он скрывал свою личность.

Он всегда удивлялся, почему Тан Бай смотрит на него взглядом, который он не мог прочесть, как будто он преследует что-то другое в нем.

"Тебе ведь должен понравиться тот Се Рухэн из книги?". Глубокие глаза феникса, казалось,

могли видеть все насквозь.

Тан Бай был ошеломлен на мгновение и осторожно кивнул.

Се Рухэн сказал немного горько: "Кажется, я немного ревную".

Тан Бай: "?" Это было возмутительно.

Се Рухэн, который часто завидовал своему зеленому "я", не почувствовал ни малейшей неправильности, и он неуверенно напустил на себя немного жалостливое выражение, выражение, которое он обнаружил по ошибке, и которое, как подозревалось, имело некоторую убийственную силу на Тан Бая.

Поднятые вверх брови меча были слегка нахмурены, а в увядших глазах феникса смутно читалось чувство подавленности, которое нельзя было недооценить, как у большой волчьей собаки, жалко скрючившейся на лимонном холме.

Дело в том, что если подумать, то это действительно неправильно с моей стороны, потому что альфа эмоционально нестабилен в период восприимчивости, поэтому ему определенно требуется больше заботы.

Тан Бай объяснил: "Я испытываю к нему чувство поклонения, он - свет омеги, я поклоняюсь ему".

Увидев, что Се Рухэн все еще недоволен поджимает губы, Тан Бай сказал: "Это всего лишь искренняя привязанность, которую я испытываю к тебе".

Се Рухэн скривил губы, его тон был мягким и приглушенным, он узнал способ Тан Бая нравиться людям в десять раз: "Ты мне тоже нравишься".

"Ты понравился мне с первого момента, как я тебя увидел, и чем больше я проводил с тобой времени, тем больше влюблялся".

"Ты сказал, что я омега-свет в той книге, но мой молодой господин, в глазах всех ты истинный омега-свет".

Се Рухэн протянул руку и обхватил лицо Тан Бая, его большие пальцы надавили на его скулы, эти темные глаза феникса пристально смотрели на него, по мере того, как он приближался все ближе и ближе, только отражение Тан Бая оставалось в его темных глазах.

"Смотри, ты стал тем, чему больше всего поклоняешься".

Глаза Тан Бая расширились, он внезапно оказался в некотором трансе, как будто впал в какой-то навязчивый гипноз, и в такой ситуации он почувствовал, как Се Рухэн приблизился, настолько близко, что кончик его носа касался кончика его носа, но у него не было сил оттолкнуть другого человека.

Он не только не оттолкнул альфу, но даже закрыл глаза в знак снисхождения.

Его губ нежно коснулось очень мягкое присутствие, и Тан Бай вздрогнул, не решаясь открыть глаза и не замечая, что уши Се Рухэна тоже покраснели.

То, что начиналось как неуверенное прикосновение, постепенно становилось теплым и долгим, вызывая покалывание.

Дыхание Тан Бая стало неровным, когда Се Рухэн толкнул его обратно на подстилку, позволяя целовать его от уголков губ до мочек ушей и ключиц, до слегка покрасневших желез.

Тонкие, мягкие пальцы внезапно схватили постельное белье.

Альфа нежные, но сильные феромоны покрывали все пространство, делая кожу Тан Бая прозрачной с тонкой краснотой, сладкие, молочные феромоны исходили из каждой его поры.

Длинные тонкие пальцы расстегнули рубашку, и нежный поцелуй пришелся на его железы, снова пронзив его легким покалыванием и удивительным удовольствием.

"Ха", - Тан Бай закрыл глаза и слегка приоткрыл губы.

Его красиво очерченные губы, казалось, были покрыты прозрачной глазурью, словно мякоть какого-то сочного фрукта.

Инъекция феромона заняла некоторое время, и Тан Бай был похож на кусок меда, который вот-вот растает, а его мысли как будто собирались завернуться в липкий сироп, затрудняя работу.

Это было нехорошо.

Они еще даже не были помолвлены, и это было...

Руки пробежались между пуговицами, предусмотрительно сняли пиджак, затем рубашку, ремень и даже брюки.

Тан Бай тихонько заскулил.

Когда его обхватили ноги Се Рухэна и медленно сняли с него штаны, и он, как хромя овца, с закрытыми от смерти глазами трусил по кровати в ожидании окончательного приговора, он услышал шорох.

Это был звук трения одежды друг о друга.

Ах!

Это Се Рухэн раздевался?

Тан Баю было так стыдно, что он не решался открыть глаза.

Через некоторое время в его ушах все еще звучал шорох.

Неужели так долго приходится раздеваться?

Тан Бай тихо открыл глаза и увидел полностью одетого Се Рухэна, который сидел на кровати и старательно строил гнездо из одежды.

Его пиджак, рубашка, брюки, чулки и галстук-бабочка были сложены в блоки из тофу и расставлены по кругу Се Рухэном.

"Надо ее сложить", пожаловался Се Рухэн.

Тан Бай: ""

<http://bllate.org/book/15734/1408575>